

№ 2 (19) февраль 2014 г.

ВЕТРЕЧА

Вестник православной общины Вретенского храма
Свято-Успенской Тихоновой Пустыни

Дорогие братья и сестры!

Поздравляю с праздником Сретения Господня, престольным праздником нашего храма. Этот праздник имеет колоссальный духовный смысл. Встречаются два Завета; все лучшее, что есть в Ветхом Завете, символизирует собой старец Симеон, который держит на руках Младенца Христа. Он еще очень мал, Он только родился - и вот Ветхий умирает, чтобы дать жизнь Новому. Это должно произойти и в нашем сердце: все ветхое должно уйти, чтобы уступить место новому.

Есть замечательный урок, который все мы должны извлечь из сегодняшнего праздничного дня. Святые отцы свидетельствуют о том, что невозможна наша встреча с Богом в загробном мире, если эта встреча не произошла здесь, на земле. Значит, нужно приложить все зависящие от нас усилия, чтобы эта встреча произошла в нашей земной жизни. И Господь сделал для этого все возможное. Нам дана возможность иметь Христа в своем сердце. Иисус всегда ищет человеческое сердце, идет к нему навстречу. И нам следует спешить к Нему.

Но нам часто кажется, что встреча с Богом наложит ограничения на нашу свободу, и мы не сможем совершать всего того, что нам бы хотелось. А так хочется получить все блага здесь, на земле, и не ждать, когда там еще наступит вечное блаженство. И это страшно, потому что, не встретившись с Богом в этой жизни, человек не может надеяться на встречу с Ним после своей физической смерти — в жизни будущего века. А если мы не сможем с Ним встретиться там, то, что нас ожидает? Место, где Бога не будет. А это место именуется адом. Так неужели к этому месту готовит себя человечество? Страшно подумать об этом!

Мы чураемся слов «раб Божий», предпочитая оставаться рабами своих грехов и страстей. Ну как же! Мы ведь по капле выдавливали из себя раба. Мы - не рабы, рабы - не мы. Человек — это звучит гордо. Апостол Павел в послании к римлянам писал: «Павел — раб Иисус Христов» (Рим. 1, 1). Такое бы рабство каждому из нас! Как бы было хорошо, если бы на слова иностранца о нас: «Вы народ — раб», мы смогли бы ответить: «Да, мы народ — раб, но раб Божий».

В феврале Святая Церковь совершает поминовение всех усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову. Жестокий и кровавый XX век стал особенно трагическим для России, потерявшей миллионы своих сынов и дочерей не только от рук внешних врагов, но и от собственных гонителей-богоборцев. Среди злодейски убиенных и замученных в годы гонений было неисчислимое множество православных: мирян, монахов, священников, архиереев. По некоторым оценкам, к 1941 году было убито около 130 тысяч священнослужителей. Единственной их виной оказалась твердая вера в Бога. Они не отреклись и претерпели до конца, они ушли на встречу с Господом рабами Божиими.

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

С уважением и искренними пожеланиями
помощи Божией, иерей Евгений Левченко

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ СРЕТЕНИЯ

В народных традициях празднования Сретения перемешалось церковное и языческое. Некоторые из этих обычаев совсем нехристианские, но даже они говорят об этом дне нечто важное — для людей он был очень радостным.

Встрече Святого Семейства со старцем Симеоном нашлась простая календарная аналогия. В этот день в простонародье стали отмечать встречу зимы с весной. Отсюда множество поговорок: «на Сретение зима с весной встретилась», «в Сретение солнце на лето, зима на мороз поворотила». Примет, связанных с праздником, еще больше:

Коли метель дорозу переметает — весна поздняя да холодная; ежели тепло — ранняя и теплая.

На Сретение утром снег — урожай ранних хлебов; если в полдень — средних; если к вечеру — поздних.

Ежели на Сретение установится оттепель — весна ранняя теплая, коли холода завернут — весна холодная; выпавший в этот день снег — к затяжной и дождливой весне.

*Какова погода на Сретение, такова будет и весна.
На Сретение капель — урожай пшеницы.*

СОБОР НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

Память всех, пострадавших за веру в XX веке, Русская Православная Церковь в 2014 году отмечает 9 февраля.

В этот же день Святая Церковь совершает поминовение и всех усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову. Только в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских совершается память святых, дата смерти которых неизвестна.

Поминовение это совершается по определению Священного Синода Русской Православной Церкви от 30 января 1991 года на основании решения Поместного Собора 1917-1918 годов.

В основе народной приметы лежит наблюдение человека за окружающим миром, природой, стихиями, животными. По-сути, примета - это внимательный взгляд человека на окружающий его мир, события которого никак не зависят от действий человека.

Народная примета никогда не связана с миром духовным, с миром взаимоотношений человека с Богом, ангелами или, наоборот, миром падших духов. Также народная примета не предполагает исполнения человеком каких-либо магических действий, обрядов и ритуалов.

В соответствии с этим, становится очевидным, что Церковь не имеет причин относиться к народным приметам с осуждением или необходимостью запрещать людям верить в них. Позиция христианства в этом вопросе проста: примета - это часть народной (как правило, крестьянской) культуры. В старину народные приметы часто помогали людям в их насущных трудах. Последние зимние морозы и первые весенние оттепели называли Сретенскими. После праздника крестьяне начинали множество «весенних» дел. Выгоняли скотину из хлева в загон, готовили семена к посеву, белили плодовые деревья. И конечно, помимо трудов по хозяйству, в деревнях проводили гулянья.

ЛИЧНАЯ ВСТРЕЧА С БОГОМ

С Богом мы встречаемся тогда, когда Он нас взывает. Спаситель нам сказал: Стучите, и отверзется вам (Мф. 7,7). И мы можем стучать, порой долго, потому что Господь знает, что мы не готовы для встречи, не готовы оказаться лицом к лицу с Живым Богом; ибо встретиться с Богом, это всегда - прийти на суд; это то же, как встретиться с безусловной красотой, безусловной истиной, безусловной правдой. Перед лицом этой красоты, этой истины, этой правды, в конечном итоге - Божественной святости, мы стоим безответными.

И поэтому часто Господь ждет того времени, когда мы достаточно созреем, чтобы произнести над собой суд и когда мы станем способными принять и Его безусловный, справедливый, нелицеприятный суд, но в нем увидеть не свое осуждение, а Божий призыв, Божий зов к тому, чтобы нам вырасти в полную меру человеческого достоинства, нашего человеческого призвания стать человеком в полном смысле этого слова.

И переживая этот опыт встречи с Богом, которая является одновременно нашим спасением и страшным судом, пророк Исаия, а за ним апостол Павел говорили: Страшно впасть в руки Живого Бога (Евр. 10,31)...

И еще есть в этой встрече другое. Когда Господь ее допускает, когда Он решает, что настало время, что мы созрели, что мы можем стать лицом к лицу с Ним и Его судом, с Его спасением, - встреча с Богом всегда является началом новой жизни. Но такой новой жизни, которая не обязательно является более легкой, более привлекательной, а новой в том смысле, что эта жизнь в каком-то смысле ничем не похожа на нашу обычную жизнь; это жизнь, в которой царствует правда Божия, а не правда человеческая, истина Божия, а не человеческие истины, Божие измерение, а не человеческие измерения; это новая жизнь, в которой мы должны вырасти и жить в меру Самого Христа, взять на себя ответственность за жизнь мира, так же как Христос, вместе с Ним и той же ценой, какой Христос берет эту ответственность.

Когда соблаговолит Господь приблизиться так, чтобы мы могли стать перед Ним, тогда начинается наша судьба, тогда перед нами встает вопрос: как я отвечу на зов Божий?... Конечно, в теории мы все отозвались бы - мы все откликаемся - безусловным согласием, безусловной готовностью. Но на деле это не так. Да, пока мы не поставлены перед лицом испытания, пока наша вера, наша преданность не испытываются опасностью, риском - мы готовы; но когда вдруг перед нами встает испытание, мы не всегда отвечаем на него той же готовностью.

Перед нами встает очень конкретный вопрос: Господь мне предложил Свою дружбу, Он мною так дорожит, что всю Свою жизнь и всю Свою смерть, и всю страсть Гефсиманскую готов отдать мне и для меня; и эта жертва так велика, что я должен бы отозваться на нее всем, - если не смертью, то всей жизнью во всяком случае. Не требует ли Он от меня слишком многого? Если бы только Он меня полюбил слегка, я мог бы ответить Ему так же - легкой любовью, легкой дружбой; но быть так любимым требует от меня соответственной любви! Если Бог всей жизнью и всей смертью меня любит, и я должен отозваться всей жизнью и всей смертью; не лучше ли укрыться? Страшно впасть в руки Бога Живого (Евр.10,31). Любовь может быть так же страшна, как ненависть, если только понять, что мы не можем ее принимать, не отозвавшись соответственно.

И вот тут перед каждым из нас вопрос стоит во всей остроте. Мы закрываемся от Божией любви, мы не задумываемся над тем, что она значит, какая ее мера, не только потому, что мы легкомысленны и пусты, но потому что очень было бы страшно

соответственно отозваться. Бог говорит в Евангелии, мы слышим Его слова, Он говорит нам: если ты хочешь вырасти в полную меру своего человечества, если ты хочешь стать достойным человеком, вот перед тобой картина того, каким ты должен быть... И вместо того, чтобы воспринять это как потрясающую картину красоты, к которой мы призваны, мы говорим: это заповеди, это - Божии приказания; мой долг - попробовать их исполнить... И отношения взаимной любви, все наше соотношение с Богом мы превращаем в попытку принять Его заповеди, будто это внешние приказы, и свести их до минимума, найти способ, чтобы они были наименее требовательны. И тогда вместо христианской жизни получается изуродованное Евангелие.

Еще в VI веке святой Максим Исповедник говорил: человек создан как гражданин двух миров; своей плотью и душевностью он принадлежит этому земному, вещественному миру, но своим духом он принадлежит Богу. И призвание человека, во-первых, в себе соединить Божественное и земное начала; а во-вторых, найдя путь к Богу, увлечь за собой всю тварь. Это наше призвание. Так ли мы смотрим на окружающий нас мир? Являемся ли мы вождами этого мира в Царство Божие? Строим ли мы град человеческий, который был бы впору, в меру града Божия? Относимся ли мы к вещам, к природе, к видимому миру, который нас окружает, с тем благоговением, которое мы должны к нему иметь, помня, что все вещество этого мира стало сродни Богу через воплощение Христа, через Его плоть?

...Задумаемся над тем, каково наше соотношение: есть ли встреча между нами и Богом? Жаждем ли мы этой встречи не для того, чтобы получить от Бога больше того, что Он уже дал, а для того, чтобы сродниться с Ним и стать на земле как бы Его голосом, Его сострадательным взором, Его руками? Находим ли мы в себе достаточно мужества, чтобы войти в себя и стать цельными, а не раздробленными внутренне; преодолеть не только напряжение, но и войну, которая идет между умом и сердцем, волей и желаниями, плотью и правдой в нас? И как мы смотрим на ближнего? Встречаем ли мы когда-либо даже самых нам дорогих и близких, и чем являемся мы для мира, который Бог создал на блаженство вечное: злом или добром, вождами или губителями?

Митрополит Сурожский Антоний

Некоторые слова в Церкви становятся настолько привычными, что часто забываешь, что они значат. Так и с выражением «Раб Божий».

Оказывается, многим оно режет слух. Не унижает ли священник людей, называя их на богослужениях рабами Божиими?

В представлении современного человека рабство ассоциируется с подневольным подчинением господину, унижительным делением людей на «высший» и «низший» сорт, жестокостью обращения хозяев с рабами.

Есть ли эти унижающие признаки в представлении о рабстве Богу?

КТО ТАКОЙ РАБ БОЖИЙ?

Для ответа на этот вопрос обратимся к тексту Библии: кто называет себя «рабом», «рабом Божиим»? Нередко подчиненные, не являющиеся собственно рабами, например, профессиональные воины (1 Царств 17: 8). Чаще – люди, хотевшие подчеркнуть свою лояльность, преданность начальнику или царю (напр., 3 Царств 1: 26; Числа 31: 49). Но в особенностях «рабами Божиими» именовали себя те, кто хотел показать свою преданность не за страх, так сказать, профессиональный, а за совесть, обозначить свою готовность к послушанию (Деяния 4: 29).

Так, рабами Божиими называли себя пророк Моисей (Числа 11: 11) и знаменитый царь Давид (1 Пар. 17: 16–18). Памятуя о том, что не этимологии и разборы убеждают человека, а вдохновенное слово, приведем цитату из апостола Павла: «Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным, есть раб Христов» (1 Коринф. 7: 22).

Христианский Восток очень любил образ Страдающего Христа. Это о Нем говорил апостол Павел: «Он (Христос), будучи образом Божиим, унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп. 2, 6–8).

Отсюда – естественное желание верующего сердца подражать Ему, стать рабом Божиим в благодарность за то, что Он ради нас стал называться рабом.

Святитель Феофан Затворник дает два значения рабства Богу – по природе и по любви: «Все рабы Божии по природе, ибо и нечестивый Навуходоносор Божий раб, а вот Авраам, Давид, Павел и подобные им – рабы по любви к Богу».

Атеисту или иноверцу может казаться, что если он не называет себя рабом, то и избавлен от рабства по природе. Но это иллюзия. Атеист и иноверец также находятся в рабстве возможностей и свойстве собственной природы. Считать себя рабом Божиим по природе не более унижительно, чем считать себя творением неразумной природы и слепого случая.

Но рабство Богу дает большую свободу, нежели рабство «матушке природе» или «слепому случаю». Ведь, если мой владыка – автор моей природы, то есть хотя бы теоретическая возможность того, что копь скоро будет угодно Его воле, то немощи человеческой природы могут быть преодолены, что она может изменить свои свойства. Отсюда библейский тезис о том, что сила Божия совершается в немощи (2 Кор. 12:9). Отсюда и уверенность апостола Павла: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе!» (Флп. 4:13)

В рабстве по любви вообще нет места приневоливанию со стороны Бога. Если влюбленный подчиняет свои желания воле другого, если отдается на служение ему по любви, то такое служение может быть только осознанным и добровольным. Народное «насилно мил не будешь» – точно выражает принцип любви.

Унижение в таком случае может быть, только если тот, кого любят, сам не любит другого, и пользуется доброй волей любящего, чтобы издеваться над ним. Однако как раз христианский Бог есть любовь (1 Ин. 4:16). И Он вполне доказал Свою любовь к людям тем, что отдал жизнь за них. Он Сам принял «образ раба» (Флп. 2:7), полностью разделил участь людей и распялся для их освобождения от болезни, вкравшейся в человеческую природу со времен первородного грехопадения. Таким образом, нет ничего унижительного, оскорбительного и в рабстве Богу по любви.

Да, унижительно признавать себя низшим существом в сравнении с другими существами одной с тобой природы. Зато нет ничего унижительного, скажем, для коровы в том, что ее считают существом не равным человеку. Не наделяют юридическими правами, не сажают за один стол с людьми, и эксплуатируют в хозяйстве.

И это естественно, потому, что природа коровы на порядок ниже природы человека. Но сколь же превосходит природу человека «природа» Бога – Творца всех природ, сущих в видимом и невидимом мире! Потому видеть себя даже пылью в сравнении с бесконечным величием Бога – не значит быть униженным. Напротив, в этом есть даже некое самопревозношение, поскольку с бесконечным не сравнима никакая малость! Потому, нет ничего оскорбительного для человека, если свое рабство Богу он связывает с осознанием превосходства природы Творца над собственной природой – природой Творения.

Атеист вынужден видеть свою незначительность на фоне «жизни» слепого, неразумного, бесчувственного «левиафана» бесконечной Вселенной. Жизнь атеиста – выкидыш неразумной случайности. Осознание же себя рабом Творца помогает верующему преодолеть чувство безысходной бессмысленности и незначительности своего бытия.

Ведь копь скоро он – исполнитель воли Бога, значит, ничтожная миссия его личной жизни приобретает вселенскую значимость.

Что касается жестокостей господина, то любовь на них не способна. Даже если любовь по какой-то причине допускает боль любящего, то делает она это во имя несравненно большего блага для него.

Никому здравомыслящему не придет же в голову назвать изувером врача, причиняющего боль для спасения жизни пациента! Бог же действительно доказал Свою любовь к людям. Поэтому, христианин, сознавая себя рабом Божиим, не чувствует, что унижен жестокостями Творца. Напротив, он чувствует на себе руку заботы любящего Господина даже в самых тяжелых обстоятельствах жизни:

Можно много еще философствовать на эту тему. Но многие ли могут с чистой совестью сказать о себе, что они – рабы Божии и не являются рабами своих страстей, рабами греха?

Право называться рабом Божиим еще надо заслужить.

ВНУТРЕННЯЯ ПОДГОТОВКА К МОЛИТВЕ

Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне. Мф 6, 6

Последуем за этим призывом Господа. Уйдем из этого шумного, рассеянного мира и войдем во внутреннюю клетку своего существа, осветим ее светом веры, проникнем к миру, который не видим вещественными глазами. Не забудем затворить дверь своего сердца за собою, чтобы в тот невидимый мир не проникли за нами волнения и страсти этого гнущего, суетного мира. И тогда мы можем приобщиться к тайне, к величайшей, сладостнейшей тайне единения души человеческой с Всевластным, Любящим Небесным Отцом и с ликом святых торжествующей Церкви.

Что нам сказать Небесному Отцу нашему, допустившему нас к общению с Собой в благостном снисхождении к Своему творению? Не будем пробовать измышлять нашим поврежденным умом каких-либо умных речей — перед нами Предвечный Непостижимый Разум. Господь сказал: «Если... не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное» (Мф. 18, 3).

Прежде всего, как пишет епископ Вениамин (Милов), «слова молящегося должны быть наполнены чувством глубокой убежденности в сопричастии ему Бога и проникнуты сокрушением, смиренном, всепрощением, глубочайшим благоговением и горячим желанием удалиться от зла».

Главным препятствием для единения души с Богом является наличие в душе человека нераскаянных грехов, страстей, пристрастий и маловерия. Все это стеной стоит перед человеком, отделяет его от Бога и мешает теплоте и чистоте молитвы. Поэтому основным условием действительной молитвы является подготовка духовной одежды христианина — очищение сердца и совести. Если последняя неспокойна и есть грехи, за которые еще не принесено покаяние, то молитва не может быть сердечной и теплой. Поэтому у невнимательных к своей жизни не может быть настоящей молитвы. Только при искреннем покаянии во всяком замеченном грехе и постоянном спокойствии совести может быть достигнута и настоящая молитва. «Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом», — говорит прп. Исаак Сириянин.

Итак, **непременным условием** для действительной молитвы есть покаяние. Поэтому старец о. Алексий Зосимовский говорил, что до начала молитвы «надо согреть в себе чувство своего недостойнства, сознание совершенных ранее грехов, огорчивших Господа, и отсюда глубокое чувство раскаяния в них. Иначе говоря, перед молитвой надо облечь свою душу в ризу сокрушения, нищеты духа и глубочайшего смирения и почувствовать себя недостойнее и хуже всех».

Второе условие чистоты духовного одеяния — это полнота примирения со всеми

и прощение всем и от всего сердца всякой обиды, оскорбления, несправедливости и т. п. Как видно из молитвы Господней («Отче наш...»), только при этом условии могут быть прощены Богом и наши грехи. «Быть злопамятным и молиться значит то же, что сеять в море — и ждать жатвы», — пишет прп. Исаак Сириянин.

Третье условие чистоты духовной одежды — это отрешение сердца христианина от страстей и пристрастий. Прп. Макарий Великий говорит: «К чему привязано сердце человека и к чему влечет его пожелание, то и бывает для него Богом. Поэтому, приступая к молитве, обращая внимание на сердце свое и на ум, желай, чтобы чистая молитва воссылалась тобой к Богу, преимущественно же смотри при этом, нет ли чего, препятствующего молитве, чиста ли молитва, занят ли ум твой Господом так же, как у земледельца — земледелием, у мужа — женою, у купца — торговлею; и когда преклоняешь колена свои на молитву — не расхищают ли помыслов твоих другие. И если кто принуждает себя к одной только молитве, но не принуждает себя к кротости, смиреномудрию и любви и исполнению прочих заповедей Господних, — тот, если и приемлет вначале благодать молитвенную, то утрачивает ее вскоре по приятии и падает от высокоумия, потому что не предает себя от всего произволения исполнению заповедей Господних». Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов): «Страсти — эти нравственные недуги человека — служат основным причиной развращения при молитве. Соответственно ослаблению страстей уменьшается развлечение». Отсюда часто во время молитвы сердца наши бывают отданы не Предвечному Богу, а страсти или жалкому божку — нашему пристрастию, которое властно владеет нашим сердцем.

Поэтому старец Силуан пишет: «Молись просто, как дитя, и Господь услышит твою молитву». Будем же сердцем, как самые малые дети. И будем учиться тем молитвам, которые были угодны Господу, будем учиться, как молиться, чтобы эти молитвы были не отринуты как недостойные Небесным Отцом. Итак, молитва есть общение человека с Богом, основанная на вере в то, что Бог как всемогущий и вездесущий Дух не только слышит наши слова, но и знает все наши помышления и все чувства сердца. Слово «общение» не раскрывает, конечно, всю сущность молитвы, которая постигается лишь на опыте. Это раскрытие может совершаться лишь постепенно, по мере роста внутреннего человека; молитва совершенствуется по мере стяжания Святого Духа Божия. Отсюда форма молитвы будет неизбежно меняться в зависимости от духовного роста человека, и, таким образом, молитва имеет много ступеней. Идеал молитвы — это общение с Богом не только ума, но и сердца человека. Каковы же условия для достижения наиболее совершенной молитвы и что может мешать молитве?

И если, молясь, мы приглашаем Царя, Творца вселенной в наши внутренние чреда души, то позаботимся же о том, чтобы Он, войдя, не нашел в них грязи и сора — наших страстей и земных пристрастий.

Четвертое, что также будет оскорблять Господа, — это наше маловерие, суетные беспокойные мысли и заботы об устройстве всех наших внешних дел. Эти мысли мешают молитве и приходят оттого, что мы не хотим верить себя и все наши дела в руки Господа. Мы исповедуем Господа устами, но сердце наше как бы не доверяет Ему, и мы страдаем от этого и в жизни, и при молитве. Надо помнить, что все отвлекающие нас от молитвы посторонние мысли впадают нас в темной силе и есть следствие отсутствия в нас веры, ревности к богоугождению и любви к Богу.

Пятое условие чистоты духовной одежды — это примирение нашей души с Самим Богом. Как будто бы неразумно спориться с Самим Владыкой Вселенной, но мы часто, не замечая того, не находимся с Ним в мире. Точнее — мы ропщем на Него, протестуем против Его определений, не согласны с Ним в направлении Им всех дел нашей жизни. Мы бываем недовольны жизнью, судьбой, тем, как складываются наши дела, тяготимся болезнями, ропщем в скорбях и т. д. Все это ропот — на Бога, оскорбление Его, недоверие к Его мудрости и управлению нашей жизнью, непонимание Его неизменной благодати. Поэтому, вставая на молитву, душа должна быть настроена так, чтобы от всего сердца говорить: «Да будет воля Твоя — слава Богу за все».

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА
ПРАВОСЛАВНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ
Н.Е.Пестов,

Продолжение в следующем номере

Братья и сестры!

Так как газета содержит цитаты из Священного Писания, изображения икон и храмов, убедительно просим Вас по прочтении не использовать её в хозяйственных целях. Прочитав, передайте ее другому читателю или верните в храм.

Адрес редакции: г. Калуга, ст. Тихонова Пустынь, ул. Западная, д.27. Священник Евгений Левченков т.8-910-510-4691
Редактор Бессонов А.В. т.8-903-513-5639, abessonov@bk.ru, www.sretenie.su, тираж 900 экз. Цена свободная.